

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Научная статья

УДК 02:061.3(470.23-25)(091)

DOI 10.25281/2411-2305-2023-1-133-142

М.Н. Глазков

Истоки библиотечной демократии в России начала XX века

Реферат. В статье исследуется история отечественных объединений библиотечной общественности. Отмечены основные вехи создания и функционирования ведущего Петербургского общества библиотековедения, его достижения. Также выявлены и проанализированы негативные аспекты его деятельности. Рассмотрены системные изъяны участия либеральных библиотечных специалистов в послереволюционной библиотечной политике и практике.

Ключевые слова: Россия, Петербургское общество библиотековедения, история библиотечного дела, библиотечные демократические организации.

Создание общественных библиотечных организаций стало модной тенденцией в библиотечной жизни нашей страны с конца 1980-х годов. При этом теоретики и практики апеллировали к истории, вспоминали о существовании аналогичных библиотечных структур в России еще до 1917 г., говорили о необходимости восстановить замечательные демократические традиции. Создавалась иллюзия того, что прежние демократические организации в библиотечном деле рекомендовали себя только самым лучшим образом. Но это не соответствует исторической действительности. Поэтому необходимо развеять некоторые мифы и объективно осветить историю деятельности библиотечных объединений первой четверти XX в., особо выделив среди них ведущее и «головное».

В 1899 г. появилось Русское библиологическое общество (РБО) в Санкт-

Михаил Николаевич Глазков

Московский государственный институт культуры,
кафедра библиотечно-информационных наук,
профессор,
Библиотечная ул., д. 7,
Московская обл., Химки,
141406, Россия

доктор педагогических наук,
профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
академик Международной академии информатизации
SPIN 1556-2902
mguci@mail.ru

Петербурге. Внутри него образовалось несколько секций, в том числе секция библиотековедения. Первое собрание этой секции состоялось 13 ноября 1903 г. Ее возглавил приват-доцент Петербургского университета, заведующий славянским отделом Библиотеки Академии наук, латыш Эдуард Александрович Вольтер (Вольтерс, 1856–1941).

17 октября 1905 г. в ходе первой революции издается знаменитый Царский манифест, даровавший российским подданным перечень свобод по западноевропейскому образцу. В частности, им разрешалось свободное создание различных партий, союзов, обществ и т. п. Это вскоре привело к развитию секции библиотековедения в самостоятельную организацию — Санкт-Петербургское общество библиотековедения. Учредительное собрание состоялось 5 ноября 1907 г. в помещении библиотеки Академии художеств. Столичные власти официально зарегистрировали его 18 марта 1908 г. [1].

Именно это объединение демократической библиотечной общественности на несколько лет (вплоть до 1918 г.) стало законодателем моды в библиотечном деле России. А модными тогда были либеральные идеи и принципы. Видные представители Санкт-Петербургского общества библиотековедения (П.М. Богданов, А.Е. Плотников, А.И. Браудо, Я.П. Гребенщиков, К.Н. Дерунов, А.И. Калишевский, К.И. Рубинский, В.А. Банк, С.Д. Масловский-Мстиславский и др.) ратовали за превращение библиотеки в надклассовое, беспартийное учреждение, главная цель которого — демократически знакомить читателей со всем спектром идей, активно распространять общечеловеческие достижения цивилизации, способствовать всеобщему просвещению и т. д.

Однако красивые фразы и прекраснотушные идеи разбивались о реалии жизни. Под аккомпанемент разговоров о беспартийности и объективизме библиотечные демократы начала XX в. на практике проводили в основном четкую идеологическую, а подчас

жестко революционную партийную линию. Мерилом «прогрессивности» стало отношение к религии. Повсеместно модным было слыть «просвещенным скептиком», а уважение к религии воспринималось как дурной тон и ханжество. Господствовавший популизм требовал регулярно критиковать сложившиеся в царской России порядки, благо за это тогда никого серьезно не наказывали.

Важнейшими профессиональными мероприятиями, осуществленными Петербургским обществом библиотековедения до революции, обычно считаются издание журнала «Библиотекарь» (1910—1915), а также организация и проведение I Всероссийского библиотечного съезда в июне 1911 г. Об этих акциях обычно принято говорить только положительно, хотя они имели весьма противоречивое содержание и значение.

Сегодня нет сомнений в исключительной политической роли СМИ, огромной силе их влияния на общественное и профессиональное сознание. Журнал «Библиотекарь» стал первым крупным российским периодическим изданием по библиотечному делу. Он внес вклад в повышение уровня профессионализма и образованности библиотечных работников, распространял передовой библиотечный опыт. На его страницах помещались научно-популярные и научные статьи, двигавшие вперед библиотечную теорию. Но уже изначально журнал стал уделять особое внимание опыту пропаганды библиотечного строительства в Северо-Американских Соединенных Штатах [2]. В этом не было бы ничего плохого, если бы этот опыт воспринимался критически, если бы отбиралось только лучшее из заокеанского библио-

течного дела, причем с учетом того, что может прижиться на очень специфичной российской почве.

Однако именно этого явно не хватало. Среди части квалифицированных деятелей Общества библиотекосведения имелось четкое понимание неприемлемости многих американских постулатов для российских библиотек, поставленных в совершенно иные условия. Но критиковать, а тем более отвергать заокеанский опыт тогда означало идти против «тренда», против «прогрессивной общественности», со всеми вытекающими моральными и материальными потерями. На это Петербургское общество библиотекосведения в целом решить никак не могло.

Дело было, очевидно, не только в идеологии и «паблисити». Отсутствуют серьезные исследования об источниках его финансирования. Среди его спонсоров могли быть персонажи вроде дореволюционных олигархов А.И. Гучкова или С.С. Полякова, активно «благодетельствовавших» антимонополистическим, антиправительственным, оппозиционным силам рассматриваемого времени. Лидеры Петербургского общества библиотекосведения, так громко и напыщенно вещавшие о свободах, сами оказывались несвободными в своих поступках и публичных заявлениях. По сути, они явились заложниками доминировавшей тогда либерально-прогрессивской идеологической системы [3, с. 96–153].

Всероссийский библиотечный съезд 1911 г., конечно, стал событием в столичной библиотечной жизни, хотя в провинции многие библиотекари и не подозревали о его проведении. Показательно, что делегатов съезда не выбирали, а приглашали организато-

ры — руководители Петербургского общества библиотекосведения. Поэтому подавляющее большинство участников представляло все тот же оппозиционный, либеральный лагерь специалистов отечественного библиотечного дела.

При подведении итогов Библиотечного съезда нельзя не отметить двойственности его «духа и буквы». С одной стороны, на нем прозвучали конструктивные, по-настоящему ценные и необходимые для развития российских библиотек предложения. Провозглашалась важность государственного подхода к библиотечному делу, выработки широкой, развернутой программы библиотечного строительства, для реализации которой требуются не «копеечные ассигнования», а гигантские расходы, составлявшие по тогдашней оценке некоторых специалистов примерно 38 млн рублей. Подчеркивалось высокое социальное значение библиотечного дела, стремление к общедоступности библиотек, эффективному библиотечному обслуживанию. Особо говорилось о важной культурной роли библиотекаря, необходимости специальной и основательной подготовки кадров, кардинальном улучшении материального положения библиотекарей и т. п. [4].

С другой стороны, инициаторы и спонсоры съезда вложили во все наиболее значимые предложения политизированную начинку. Так, в резолюциях форума говорилось о целесообразности создания на местах курсов по обучению основам библиотечно-библиографической грамотности. Учитывая безусловно оппозиционные взгляды и идейные установки потенциальных руководителей таких

библиотечных курсов, было ясно, что курсы из учебно-профессиональных могут быстро и легко перерасти в политико-агитационные. Поэтому правая печать уже тогда резко критически отнеслась к предложенным на Библиотечном съезде проектам. Автор передовой статьи газеты «Свет», например, писал, что на библиотечных курсах «представители третьего элемента обучали бы крестьянскую молодежь “библиотечному делу”, то есть обрабатывали бы ее в духе и направлении если не товарищеском, то по малой мере кадетском». В том же ключе отозвались о резолюциях и итогах съезда консервативные газеты «Новое время», «Русское знамя», «Россия», «Земщина» и др. [5].

Все основные решения Библиотечного съезда имели откровенный антиправительственный заряд. Это означало, что действительно созидательные и дельные предложения были обречены остаться только на бумаге. Царские власти не стремились выполнять «пожелания библиотечной общественности», ведущие к их замене «буржуазно-демократическими» структурами управления (это, в частности, предусматривалось в резолюции съезда о переустройстве земств и городских органов самоуправления на «демократических началах»). Зато «пренебрежение» правительства «гласом библиотечного народа» позволило либеральным идеологам резко критиковать царские власти за политику в сфере просвещения. В итоге потенциально очень важный и нужный не только профессионалам библиотечный форум по сути превратился в еще один дестабилизирующий, расшатывающий государственные устои фактор политической борьбы.

Вполне ясно, что российская либеральная библиотечная общественность и прежде всего ее лидеры сделали все возможное, чтобы приблизить Февральскую революцию. И восемь месяцев по октябрь 1917 г. стали их «золотым веком». Всего в России тогда функционировало 24 профильных общества и объединения (в Калуге, Перми, Ялте, Ставрополе, Томске и т. д.). Официально зарегистрированное 25 апреля 1916 г. московское Русское библиотечное общество, во главе которого стояли Л.Б. Хавкина, А.И. Калишевский, А.А. Покровский и др., после Февраля 1917 г. очень быстро стало образовывать свои, иногда карликовые, филиалы в Харькове, Нижнем Новгороде, Самаре, Оренбурге.

Но каких-либо действительно позитивных прорывов в библиотечной жизни после Февраля 1917 г. не произошло [6, с. 5—18], зато красивых слов устно и в печати было сказано немало. Отцы русской библиотечной демократии пытались застолбить свой руководящий статус, опираясь именно на библиотечные объединения. Так, на совместном заседании Петроградского и Московского обществ в 1917 г. принимается «эпохальное» предложение об организации Всероссийской лиги библиотечных обществ с потенциально самыми широкими полномочиями.

Но наша история любит крутые повороты. Октябрь 1917-го поначалу давал надежду библиотечным демократическим структурам на дальнейшее благоприятное развитие. Они не меньше пришедших к власти большевиков критиковали и отрицали царские старорежимные порядки. Общая нелюбовь к «омерзительному прошлому», казалось, сближала «буржуазных» библиотековедов и советских

комиссаров, подавая надежду на взаимовыгодное сотрудничество. Лидеры библиотечных обществ, имея опыт и относительно высокую квалификацию, рассчитывали быть нужными, а значит, и обласканными новыми властями.

Из примеров проявления активности таких «старых» библиотечных специалистов в раннеревolutionные годы выделим следующее. С 9 июня по 15 августа 1918 г. при некоторой финансовой поддержке большевистских властей в Петрограде были организованы курсы по подготовке библиотечных работников им. Новикова. План их проведения разрабатывался П.М. Богдановым при участии Совета питерского Общества библиотековедения. Вскоре, в связи с переводом П.М. Богданова по службе в Москву, руководство проведением занятий принял его коллега Б.П. Гущин. Курсы окончили 85 человек [7].

Курсы им. Новикова стали фактически первыми в истории библиотечного образования в Советской России. Квалификация преподавателей и энтузиазм участников принесли свои плоды. Эти люди явились своеобразным фундаментом, на основе которого впоследствии сформировалась советская Высшая библиотечная школа, законно признанная ведущей в мире. К сожалению, Новиковские курсы на долгие годы оказались забыты в публикациях и учебниках, поскольку честь их проведения не принадлежала Н.К. Крупской и ее партийным соратникам.

Здесь уместно сказать об одном из наиболее деятельных лидеров Петербургского общества библиотековедения — Павле Михайловиче Богданове (1871—1919). С самого появления

секции библиотековедения при РБО в 1903 г. он являлся ее секретарем, затем и секретарем самостоятельного Общества библиотековедения. Он принял прямое участие практически во всех его значительных проектах и был бессменным издателем и редактором журнала «Библиотекарь». Едва ли не основная нагрузка в организации I Всероссийского библиотечного съезда 1911 г. тоже лежала на П.М. Богданове.

Отметим не только прикладную, но и теоретическую деятельность Павла Михайловича, его вклад в окончательное формирование библиотековедения как науки в России. В 1915 г. он становится товарищем председателя Петербургского общества Э.А. Вольтера. Судя по «внутренним» архивным документам [8], уже тогда он фактически являлся первым лицом этой организации. Это подтвердили выборы 1917 г., когда именно П.М. Богданова официально избирают его главой. Если бы не смерть в 47-летнем возрасте, эта личность могла оставить еще более значительный след в отечественной библиотечной истории.

После Октября 1917 г. библиотековеды старой школы были задействованы в целом ряде мероприятий, осуществлявшихся большевиками. Их привлекали к сотрудничеству на Государственном совещании по библиотечному делу в Москве (июль 1918 г.), I-й библиотечной сессии Наркомпроса (январь-февраль 1919 г.) и др. [9]. В первое послереволюционное время речь шла о выработке новой библиотечной политики. Она шла примерно по следующей схеме: партийный аппарат давал установку, что ему нужно от библиотечного дела, а специалисты, прежде всего «буржуазные», облекали

руководящую линию в проекты, уставы и положения.

Отметим как факт, достойный исторической кунсткамеры, вечную борьбу между северной и древнепрестольной столицами за первенство. В библиотечной области эта борьба приняла острые формы летом-осенью 1918 г. На заседании Центрального комитета государственных библиотек (ЦКГБ) 31 августа 1918 г., в котором участвовало немало «буржуазных» специалистов, дело дошло до открытого голосования: где же находится центральному руководящему органу библиотечного дела — в Петрограде или в Москве? Тогда большинство присутствовавших высказалось за северную столицу [10, с. 37–38].

Но данное волеизъявление столкнулось с реалиями нашей истории. Еще весной 1918 г. советское правительство со всеми своими главными органами перебралось в Москву. Здесь стали приниматься важнейшие решения, распределялись финансы, можно было приобщиться к различным социально-материальным благам. Поэтому и вопрос о центре библиотечного дела страны был снят.

Очень быстро выяснилось, что красные комиссары согласны сотрудничать с либеральными библиотековедами лишь с позиции силы. Большевики официально декретировали всемерную борьбу с саботажем и контрреволюцией. Если раньше «в гнетущей атмосфере царского произвола и полицейщины» ревнители демократических свобод могли высказывать «бурные протесты», бравитура своим гражданским мужеством, то после Октября 1917 г. подобные «либеральные пассажи» уже не могли проходить бесследно.

Еще в сентябре-октябре 1917 г. видные деятели библиотечных обществ утверждали о необходимости «готовить нацию к демократии» с помощью библиотек, служить распространению «прогрессивных» взглядов и идей в обществе, свято исповедовать принципы надклассовости и беспартийности [11]. Но не прошло и пяти лет, как казавшаяся монументальной и незыблемой «демократическая» идеология стала рассыпаться усилиями тех же самых идеологов!

Важнейшие их догмы перевернулись на 180 градусов. Теперь бывшие «буржуазные» библиотековеды фактически поддерживали взгляды на библиотеки уже как учреждения классовые и партийные, задача которых — содействовать выработке коммунистического мировоззрения [12]. В лучшем случае они могли молчаливо присутствовать на официозных заседаниях и собраниях. Конечно, это была вынужденная позиция, но подобные изменения очень показательны.

Еще более показательно участие «старых» библиотечных специалистов в реальном и весьма масштабном практическом мероприятии большевистских властей в библиотечном деле. Известно, что в первые годы революции по России прокатились волны реквизиций, национализаций и конфискаций имущества граждан, записанных в «класс эксплуататоров». В библиотечном деле, под предлогом превращения частных, закрытых библиотек в библиотеки, доступные всем трудящимся, из бывших правительственных, сословных и иных организаций и учреждений, как и у конкретных помещиков и капиталистов, священнослужителей и царских чиновников, а иногда и у квалифицированных ра-

бочих и грамотных крестьян насильно отбирались личные книжные собрания [13].

Советское правительство с большим и неослабевающим вниманием отнеслось к данной проблеме, издав декрет Совнаркома «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще» от 26 ноября 1918 г., директиву Наркомпроса «О порядке реквизиций частных библиотек» от 27 декабря 1918 г., постановление Совнаркома о научных библиотеках от 4 сентября 1919 г., декрет Совнаркома о национализации запасов книг и иных печатных произведений от 20 апреля 1920 г. и т. д. [10, с. 108, с. 110–113; 14].

Среди конфискованной в пользу новой власти литературы имелись средневековые русские летописи, немало инкунабул (книг, изданных до 1 января 1501 г.), подлинники писем царей и императоров, выдающихся исторических лиц, великих писателей, поэтов и художников, собрания старинных атласов, карт, нот, гравюр, редчайшие, единичные издания, в т. ч. на санскрите, древнегреческом и латинском языках, и многое другое.

Уже после Февральской революции в Москве, Петрограде и иных крупных городах стали в большом количестве появляться западные (более всего американские) оптовики, скупавшие российские библиотечные книги и иные культурные ценности. Действовали они гласно и вальжно. Летом 1917 г. в газетах появились объявления, предлагавшие продавать старинные вещи, в т. ч. книги, представителям американских фирм. «Новое время», например, сообщило об одной фирме, ассигновавшей на закупки русского антиквариата 20 млн долларов.

Это немедленно спровоцировало волну бесчинных реквизиций, воровства, грабежей и прочую «музыку революции». Даже такой ее апологет, как Максим Горький, не смог молчать. В статье «Американские миллионы» он писал: «Лавина американских денег несомненно вызовет великие соблазны не только у темных людей Александровского рынка, но и у людей более грамотных, более культурных. Не будет ничего удивительного в том, если разные авантюристы организуют шайки воров специально для разгрома частных и государственных коллекций художественных предметов... Американское предприятие — его, конечно, поведут с американской энергией — это предприятие грозит нашей стране великим опустошением, оно выносит из России массу прекрасных вещей... ценность которых выше всяких миллионов. ...Во избежание разврата... во избежание расхищения национальных сокровищ страны... правительство должно немедленно опубликовать акт о временном запрещении вывоза из России предметов искусства» [15]. Однако Временное правительство почему-то не торопилось, и американцы наступательно расширяли свой варварский, но очень прибыльный бизнес.

Никак не свернулись они и после Октября 1917 г., свободно продолжая махинации и при этом подозрительно тесно контактируя с некоторыми высшими советскими комиссарами. Благодаря такому «взаимопониманию» в частных западных коллекциях осела масса уникальных российских культурных богатств, приобретенных по дешевке. А. Хаммер и И. Перльстайн — лишь немногие из иностранных мародеров, «засветившихся» в названном процессе.

Отличием послеоктябрьских реквизиций от послефевральских стала их планомерная массовость и крайне жесткие формы осуществления. Многочисленные так называемые «стихийные» реквизиции имущества граждан являлись безусловным произволом. Да и реквизиции, «легализованные революционным мандатом», фактически проводились во внесудебном порядке, сопровождалась насилием, стрельбой. Древние, раритетные, особо ценные произведения нередко расхищались местным и центральным начальством. Известно, что часть из них позднее «всплыла» на дорогах западных аукционах [13; 16, с. 20—131].

Возвращаясь к бывшим буржуазным библиотечным деятелям, отметим, что их новым работодателям особо необходимы были люди, знавшие или догадывавшиеся, у каких именно граждан можно разжиться дорогостоящими произведениями полиграфического искусства. Члены библиотечных обществ оказались тут незаменимыми. Кто мог лучше них «навести» на редкостную библиотеку какого-нибудь петербургского профессора или московского библиофила? Кто мог лучше них просмотреть конфискат и отобрать наиболее ценные произведения? Справедливость требует признать, что на основе реквизизированной литературы в первые годы советской власти в РСФСР был создан ряд общедоступных народных библиотек, пополнены фонды крупных библиотечных центров [13]. Но эти акции часто имели незаконный и безнравственный характер. И либеральные библиотечные деятели не могли этого не понимать.

Под самыми известными руководящими инструкциями о порядке

реквизиции библиотек стоят подписи В.Я. Брюсова [17, с. 12—16], занимавшего в 1918—1919 гг. высокие посты в советском библиотечном деле. Помимо всего прочего, Валерий Яковлевич безусловно являлся тем самым «старым специалистом», членом Русского библиографического общества с момента его основания в 1900 г. [18].

Конечно, нельзя огульно очернять всех библиотековедов «старой школы». Среди них было немало скромных подвижников и энтузиастов, но надо знать и «неудобные» страницы истории.

Вполне логичной оказалась дальнейшая судьба образованных до Октябрьской революции демократических библиотечных структур. После того как с их помощью была выработана жесткая большевистская библиотечная политика, после того как реквизиции-конфискации книжных коллекций прокатились по всей территории Советской России, эти общества, в том числе знаменитые Петроградское и Московское, быстро и тихо закрылись. Первое — в августе 1922 г. как «вовремя не перерегистрировавшееся», а второе — в сентябре 1921 г. как не имеющее средств и ресурсов к дальнейшей работе [19, с. 88—89; 20].

Через семь десятков лет в нашей стране вновь заработали библиотечные демократические союзы и организации, но не сказать, чтобы очень успешно и очень результативно. Есть ряд вопросов, на которые пока не даны четкие ответы. Какого рода исторические традиции, связанные с библиотечными обществами, возродились или надо было возрождать в конце XX — начале XXI в.? Что нужно из-

менить, чтобы деятельность библиотечных обществ и ассоциаций стала приносить по-настоящему значимые для всего библиотечного дела плоды? И вообще, нужны ли России демократические структуры западного образца? Как надо расширять участие государства и/или народа в поддержке культуры и библиотечной сферы — через какие каналы, методы или формы?

Подобного рода вопросов немало. Может быть, нынешняя современность, диалектически превратившись в историю, сможет дать на них ответы.

Список источников

1. Матвеева И.Г. Петербургское Общество библиотековедения // Библиотеки — обществу: на пороге нового века : сборник статей. Санкт-Петербург : Петербургское библиотечное общество, 1999. С. 76—96.
2. Громова А.А. Деятельность первого библиотечного общества в России / Труды ЛГБИ им. Н.К. Крупской. Т. 8. Ленинград, 1961. С. 193—213.
3. Глазков М.Н. Проблемы сохранности библиотечных коллекций в России 1700—1917 гг. : монография. Москва : МГИК; Радуга, 2017. 158 с.
4. Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в С.-Петербурге с 1-го по 7-е июня 1911 г. ; в 2-х ч. Санкт-Петербург, 1912. 440 с.
5. Рубанова Т.Д. Первый съезд российских библиотекарей: 80 лет спустя // Сов. библиотековедение. 1991. № 6. С. 43—51.
6. Глазков М.Н. Эволюция государственной библиотечной политики в Советскую эпоху (1917—1991 гг.) : монография. Орел : Орловский государственный институт культуры, 2022. 288 с.
7. РНБ ОР. Ф. 533. Ед. хр. 17. Л. 471—472.
8. РНБ ОР. Ф. 533.
9. Первые государственные совещания по библиотечному делу (июль 1918 г. — январь-февраль 1919 г.) : док. и материалы. Москва : Российская государственная библиотека, 1993. 204 с.
10. История библиотечного дела в СССР : Документы и материалы, 1918—1920. Москва : Книга, 1975. 277 с.
11. Абрамов К.И. Демократические преобразования библиотечного дела в России в период Февральской революции. Москва : МГУК, 1994. 42 с.
12. Резолюции I Всероссийского съезда библиотечных работников, 1—7 июля 1924 г. Москва : Красная новь, 1924. 68 с.
13. Глазков М.Н. Сущность реквизиций библиотек в 1917—1920 годы // Библиотечное дело. 2021. № 14. С. 11—15.
14. Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1920. № 42. Ст. 187.
15. Горький М. Американские миллионы // Новая жизнь. 8 (21) июня 1917. № 43.
16. Бунин И.А. Окаянные дни. Москва : Молодая гвардия, 1991. 336 с.
17. Инструкции эмиссарам Московского библиотечного отдела. Москва : Лит. изд. отдел Нар. ком. по просвещению, 1919. 16 с.
18. Глазков М.Н. Малоизвестные фрагменты жизни В. Я. Брюсова // Московский журнал. 1998. № 3. С. 38—41.
19. Глазков М.Н. Петербургское общество библиотековедения (1908—1922 гг.) // Библиотечное дело и демократия. Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Ч. I. Москва : МГУК, 1997. С. 87—89.
20. Рычков А.В. Русское библиотечное общество (1916—1921) // Научные и технические библиотеки. 1994. № 7. С. 58—68.

The Sources of Library Democracy in Russia in the Beginning of XX Century

Mikhail N. Glazkov

Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

mguci@mail.ru, SPIN 1556-2902

Abstract. The article investigates the history of native public library associations. It is noted the main landmarks of the Petersburg library science society creation and functioning as well its achievements. Also the negative aspects of its activity are identified and analyzed. The systemic flaws of participation of liberal specialists in the post-revolutionary library policy and practice are considered.

Keywords: Russia, Petersburg library science society, history of librarianship, library democratic organizations.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 06.02.2023;
accepted for publication 03.04.2023.

Вышли в свет

Учебные и методические материалы

Балаш А.Н. Современная зарубежная выставочная деятельность : учебно-методическое пособие : направление подготовки 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» / А.Н. Балаш ; Министерство культуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, факультет мировой культуры, кафедра музеологии и культурного наследия. Санкт-Петербург : СПбГИК, 2022 (Санкт-Петербург : Типография Первого издательско-полиграфического холдинга). 75 с. : ил. 500 экз. (1-й з-д 1—50)

Гудилина С.И. Медиаобразовательная среда : учебное пособие / С.И. Гудилина ; Министерство просвещения Российской Федерации, Московский педагогический государственный университет. Москва : МПГУ, 2022 (Москва : Отдел оперативной полиграфии

УИД и ИП МПГУ). 86, [1] с. : ил. Библиогр.: с. 60, библиогр. в конце разд. 500 экз.

Сысоев Л. Телеведущий. Блогер. Секреты мастерства / Л. Сысоев. Москва : Де'Либри, 2022 (Москва : Т8 Издательские технологии). 321 с. : ил. В авторской редакции. 500 экз.

Нежигай Э.Н. Виртуальный музей: технология создания и реализация проекта : учебно-методическое пособие для обучающихся по направлению подготовки 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» / Э.Н. Нежигай ; Министерство культуры Российской Федерации, Краснодарский государственный институт культуры, кафедра истории, культурологии и музееведения. Краснодар : КГИК, 2022 (Краснодар : Отдел информационных технологий и печати Краснодарского государственного института культуры). 95 с. Библиогр.: с. 83—95 (105 назв.). В авторской редакции. 50 экз.